

The Process of Felinization in the Digital Age: the Utilisation of Cats as a Strategy for the Formation of a New Identity

Sophia V. Tikhonova (a) & Sofya A. Rezvushkina (b)

(a) Saratov State University. Saratov, Russia. Email: [segedasv\[at\]yandex.ru](mailto:segedasv[at]yandex.ru)
ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

(b) Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. Email: [finntundra\[at\]gmail.com](mailto:finntundra[at]gmail.com)
ORCID <https://orcid.org/0009-0004-6208-2950>

Received: 11 November 2024 | Revised: 20 November 2024 | Accepted: 1 December 2024

Abstract

The contemporary cultural practices associated with animals give rise to a novel dual concept of corporeality and sensuality. The growth of consumerism in accordance with the feline model of consumption gives rise to the formation of a society where the characteristics associated with the feline species become the prevailing norm. In light of the above, it seems pertinent to examine the strategies of social felinization and to identify the symbolic repressive markers that maintain it, as evidenced in viral cat content. The examination of the most prevalent feline-themed materials on the post-Soviet Internet reveals that the digital representation of cats is primarily shaped by human characteristics, rather than those inherent to the animal itself. This gives the digital cats a subjectivity that is more akin to that of humans. The increasing anthropomorphisation of cats and the felinization of humans has resulted in the emergence of a dystopian world characterised by the “cat police”. In this context, the cat assumes a more prominent role than its human counterpart, thereby conferring upon it the authority to exercise control and impose punishment. However, the methods of control and punishment employed by the “koshchichkina” remain flexible and adaptable to changing corporeality and sensuality, expressed through ironic memes, short videos and clips. The findings of this research can be incorporated into an interdisciplinary study of the mechanisms of identity formation of the modern man and the formation of a new canon of his sensuality and corporeality.

Keywords

Kittens; Digital Kittens; Identity; Corporeality; Felinization; Anthropomorphisation; Mass Culture; Consumption; Kitten Police; Memetics

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Фелинизация в цифровую эпоху: котки как стратегия новой идентичности

Тихонова Софья Владимировна (а) & Резвущкина Софья Александровна (б)

(а) Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов, РФ. Email: [segedasv\[at\]yandex.ru](mailto:segedasv[at]yandex.ru)
ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

(б) Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.
Email: [finntundra\[at\]gmail.com](mailto:finntundra[at]gmail.com) ORCID <https://orcid.org/0009-0004-6208-2950>

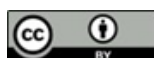
Рукопись получена: 11 ноября 2024 | Изменена: 20 ноября 2024 | Принята: 1 декабря 2024

Аннотация

Современные культурные практики, связанные с животными, формируют новую, двойственную концепцию телесности и чувственности. Развитие консьюмеризма по кошачьему типу потребления ведет к созданию общества, где «кототелесность» становится нормой. В этой связи представляется значимым проанализировать стратегии социальной фелинизации, раскрыть символические репрессивные маркеры ее поддержания, сформированные в вирусном котоконтенте. Анализ наиболее трендовых котоматериалов постсоветского интернет-сегмента продемонстрировал, что образ цифровых котиков конструируется преимущественно через человеческие, а не природные особенности, что наделяет их субъектностью по человеческому типу. Следствие возрастающей антропоморфизации котиков и фелинизации человека находит свое отражение в дистопическом мире «кошачьей полиции». В ней кошка оказывается более значимой фигурой, чем ее хозяин, что дает ей право контролировать и наказывать. Однако «кошачьи», методы контроля и наказания остаются мягкими и адаптированными под изменяющуюся телесность и чувственность, выражаясь через ироничные мемы, короткие видео и клипы. Результаты исследования могут быть задействованы при междисциплинарном изучении механизмов формирования идентичности современного человека и формировании нового канона его чувственности и телесности.

Ключевые слова

котки; цифровые котки; идентичность; телесность; фелинизация; антропоморфизация; массовая культура; потребление; кошачья полиция; меметика

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Расцвет низового котоконтента привел к фелинизации пользовательской телесности – в предыдущих статьях мы показывали как социокультурные, так и культурно-антропологические аспекты этого процесса. С одной стороны, меметические котки являются носителями прескриптивного конsumerистского макроса (Резвушкина, 2024), компенсируя дефицит тактильного соматического комфорта, с другой – романтизируют отчужденный *modus vivendi* позднего общества потребления. В итоге атомизация и аномия обретают пушистую кость и трансформируются в новый микросоциальный проект телесности, в котором не кошки антропоморфизируются, но фелинизируется цифровой обыватель (Тихонова, 2023; 2024): его социальный мир сводится к экрану гаджета, обрамленным жизненным пространством стандартной квартиры, а собственная субъектность основана на овнешнении ответственности за собственное Я и судьбу, ее перенос на социальные институты и старшее поколение. Цифровой котик как визуализация пользователя конструирует максимизацию жизненной стратегии гедонизма, опирающейся на куда более скромную, нежели у античных стоиков или эпикурейцев, репертуарную и ресурсную базу. В ироничном контексте медиасферы цифровой котик становится каналом манифестации собственного социального паразитизма: современные «мещане» прекрасно осведомлены о непродуктивности своего труда, более чем сомнительном эстетическом статусе собственной креативности и минимальных репродуктивных перспективах, их бытие самопроектируется как симбиоз аддикций, зависимостей и обременений, где ЗОЖ, алкоголизм и ипотека одинаково тоталитарны к скромному личному счастью. «Котребление» предполагает синкретизм маленькости, инфантильности, незащитности, бестолковости и неотразимого обаяния, используемый для аксиоматики самоидентификации и самопризнания. В рамках данной статьи мы попытаемся не только показать концептуальную структуру кототелесности, но и раскрыть символические репрессивные маркеры ее поддержания, сформированные в вирусном котоконтенте.

Перекрестки нефрустрированного детства: инфантология зооиндустрии

В современном интернет-пространстве по отношению к братьям нашим пушистым превалируют диминутивные и эрративные коммуникативные стратегии. Диминутивная стратегия заключается в использовании уменьшительной аффиксации с целью подчеркнуть или миниатюрные размеры, или особенные качества (силу милоты) определяемого объекта. Пространство диминутивов чрезвычайно вариативно, некоторые из них устойчиво входят в узус потребителей котоконтента (например, само слово «кошка», произошедшее от др.-

русск. «котька», является диминутивом к существительному «кот»), некоторые используются лишь на определённом витке кошачьей рунет-культуры («котэ»), некоторые только входят в тезаурус котомании («кошечка», о которой речь пойдёт ниже).

Рисунок 1. Определитель котодиминутивов от художника Filkit (изображение размещено в свободном доступе по адресу: clck.ru/3F2Ech)

Figure 1. A definer of cat-diminutives by Filkit (The image is publicly available at: clck.ru/3F2Ech)

В результате такой языковой практики образ кошки начинает всё больше и больше прочитываться как образ ребёнка – маленького, делающего забавные речевые ошибки и, очевидно, нуждающегося в заботе. Современные процессы институализации рынка заботы о домашних животных во многом конгруэнтны педагогическим трендам, но нужна ли в природе кошечкам такая усиленная забота? Как сегмент сферы услуг западная зооиндустрия начала свое развитие в 70-х гг. XX века, российская – на двадцать-тридцать лет позднее (Фадеева, 2021, с. 41-45). К ней относятся корма, витамины, одежда, груминг, зоотакси, зоогостиницы, ветеринарное, педагогическое (фелинология), зоопсихологиче-

ское консультирование и сопровождение, а также услуги по эстетической хирургии животных. Рынок зооиндустрии в современном виде стал возможным благодаря трансформации социально-психологического статуса домашних животных-компаньонов, которые люди повсеместно воспринимают как членов семьи. Эта установка приводит к максимальному сближению практик ухода за питомцами и ухода за маленькими детьми, причем ключевую роль в этом процессе играет маркетинговая культивация искусственных потребностей у владельцев животных за счет антропоморфизации последних.

Ситуация усугубляется тем, что ветеринарные врачи изначально готовились в парадигме обслуживания потребностей сельскохозяйственных домашних животных, основы специализации на животных-компаньонах только начали формироваться в конце XX века, соответственно, научно-обоснованное содержание таких животных характерно для легальных заводчиков, осуществляющих породное разведение. В результате поведенческие отношения в системе «человек – животное-компаньон» принимают рискованные для психологического благополучия обеих формы. Люди выстраивают отношения с мелкими млекопитающими на основе своих ролевых ожиданий от питомца, близких к социальным ожиданиям дружбы и родительства, игнорируя видовые особенности и потребности животного. Животные, в свою очередь, перенимают невротическую модель поведения у хозяев, что приводит к формированию неадекватного алгоритма взаимодействия с людьми и деформации видотипичного поведения (Винобер, 2017, с. 202-217). Животные проявляют в поведении психологические черты владельцев – тревожность, эмоциональную лабильность, авторитарность, амбивалентность отношений, люди же выступают в роли незрелых взрослых, демонстрируя попустительский стиль взаимодействия с животным, безответственность, равнодушие к особенностям видовых биологических потребностей. Межвидовые отношения в городской семье строятся по детской схеме, когда животное начинает выполнять социально-психологическую роль младшего ребенка.

Соответственно, вокруг домашних кошек и мелких собак формируется предметная среда, аналогичная детской. Так, животным предлагаются особое питание и посуда, часто в форме дозирующих гаджетов (умные поилки и умные кормушки), оборудованное место для сна, приспособления для игр и развлечений (домики, игрушки, когтеточки), средства гигиены (лотки, наполнители, расчески, пуходерки, маникюрные принадлежности), а также лекарства, бады и витамины.

Во многом чрезмерное потребление зоотоваров связано с доступностью их покупки через маркетплейсы. Это нагружает потребление как «заботу» дополнительным значением «развлечения», а интернет-сегмент только подогревает интерес ко всяческим зооартефактам. И если для одних хозяев приоритетны расходы на прививку от панлейкопении, то для других – на модный роман Л. Гритс «Мяу», написанной на псевдокошачьем языке. Это приводит

к тому, что помимо рационально обоснованных предметов, в «зоодетской» оказываются предметы, сконструированные по образцу детских игрушек. Такие артефакты несут амбивалентную функцию: с одной стороны они развлекают покупателя, с другой – снижают уровень внутренней фрустрации за счёт формирования поддерживающего убеждения «Я – хороший котородитель». Для иллюстрации приведём несколько особо озадачивших авторов товаров, которые можно приобрести на наиболее общепотребительных торговых интернет-площадках.

Рисунок 2. Мыльные пузыри с экстрактом кошачьей мяты (изображение размещено в свободном доступе по адресу: [https://www.goldencat.ae/image/cache/catalog/PRODECT%202/6970117121209\(2\)-1200x1200.jpg?clckid=67864a02](https://www.goldencat.ae/image/cache/catalog/PRODECT%202/6970117121209(2)-1200x1200.jpg?clckid=67864a02))

Figure 2. Bubbles with catnip extract (The image is publicly available at: [https://www.goldencat.ae/image/cache/catalog/PRODECT%202/6970117121209\(2\)-1200x1200.jpg?clckid=67864a02](https://www.goldencat.ae/image/cache/catalog/PRODECT%202/6970117121209(2)-1200x1200.jpg?clckid=67864a02))

Рисунок 3. Леденец для кошек, которые не распознают сладкий вкус (изображение размещено в свободном доступе по адресу: <https://www.wildberries.ru/catalog/155314816/detail.aspx?clckid=eafa900b>)

Figure 3. Lollipop for cats who cannot recognise the sweet taste (The image is publicly available at: <https://www.wildberries.ru/catalog/155314816/detail.aspx?clckid=eafa900b>)

Рисунок 4. Карнавальный костюм для кошек
(изображение размещено в свободном доступе по адресу:
<https://www.wildberries.ru/catalog/183340371/detail.aspx?targetUrl=EX&clckid=1cc4b910>)

Figure 4. Carnival costume for cats (The image is publicly available at:
<https://www.wildberries.ru/catalog/183340371/detail.aspx?targetUrl=EX&clckid=1cc4b910>)

Современное родительство как социопсихологическая и антропологическая система ролей отличается отсутствием стандартизации и нормирования родительских ресурсов (нет общепринятого стандарта «достаточного» объема родительского внимания, в итоге любые усилия родителей могут трактоваться внешними наблюдателями как недостаточные для благополучного развития ребенка), отказа от фрустрирующих педагогических приемов (в первую очередь, физического насилия) и высоким уровнем вовлечения родителей в процессы обучения и развития ребенка. Будучи транспонированной на живого кота, она порождает концепты «котомать», «котоотец», «кото-ребёнок», а описание повседневных кошачьих практик чем-то неумовимо напоминает книгу Г.-А. Пухановой «Хорошая мать»:

«Спал три часа хорошо
Кормила в 02.20
Спал два часа.
Проснулся в 04.30
Кормила в 04.50.
Памперс в 05.00

«Спал на моей голове,
Свалился в 04.40
Кричал
Шумно ел 15 минут
Копал лоток – 3 мин
Передумал

Уснул в 5. 20
Спал 2 часа...»
(Пуханова, 2022, с. 240).

Мурлыкал в 05.15
Шумно какал в 05.16
Спал 2 часа...»
(из авторских будней).

Рисунок 5. Проекция родительских сценариев на кота
(изображение размещено в свободном доступе по адресу:
<https://image.winudf.com/v2/image/Y29tLm9kZXNzYS5mdW5ueWNhdHNhbmRkb2dzcHV6emxIX3NjcmVlbnNob3RzXzBfMTM4YzFmMDg/screen-0.jpg?fakeurl=1&type=.jpg&clckid=f7408110>)

Figure 5. Projection of parental scenarios onto the cat
(The image is publicly available at: <https://image.winudf.com/v2/image/Y29tLm9kZXNzYS5mdW5ueWNhdHNhbmRkb2dzcHV6emxIX3NjcmVlbnNob3RzXzBfMTM4YzFmMDg/screen-0.jpg?fakeurl=1&type=.jpg&clckid=f7408110>)

Соответственно, возникает потребность в символической инстанции, которая могла бы определять границы должного, и эта инстанция одновременно укоренена как в детском пространстве, так и в повседневном мире взаимодействия животных и человека.

Пушистая Немезида поднимается с колен

Цифровой котик – канат, натянутый между домашней кошкой и человеком. Оба полюса лежат в плоскости городского фольклора, поскольку в сельской местности отношение к животным традиционно подчиняется утилитарным императивам, а социальные связи между людьми плотнее и устойчивее. В этом аспекте жизнь и кошки, и человека камерна, заключена в искусственной среде, оторванной от природы и противопоставленной ее инстинктивным аспектам, и подчинена суровым внешним макрофакторам, работа которых выходит за рамки понимания их жертв. Тем не менее, сам канат – это тернистая дорога в обе стороны, на которой и происходят циклы обменов оптимизмом, жизнелюбием и удовольствием. Там, где есть связь, всегда возможна диффузия, и в компенсаторной логике консумеризма мы видим в цифровых котиках дрейф недостающих в моменте качеств: в их облике легко гипертрофируется и кошачье, человеческое. Для этого не требуется особого оборотничества, скорее речь идет о мгновенной актуализации потенциала качеств, которым обладает цифровой котик. В итоге человеческая самоидентификация получает доступ к качествам, заблокированным низким статусом или низкой субъектной активностью. Интернет-образ кота встраивает самодовольство, эгоцентризм, высокомерие, своеволие и самолюбование в социальный контекст вторичности, зависимости, низкоранговости, недосубъектности, т.е. в контекст, принципиально не позволяющий развернуться этим качествам в человеческом мире.

Канон кототелесности конструируется различными видами прецедентных феноменов интернет-культуры. Если первоначально категория прецедентных феноменов определялась как текстовое явление (Караулов, 1986, с. 216), характерное в первую очередь для СМИ, то к нашему времени она распространяется на любые форматы массовой культуры – кинематограф, мультипликацию (Здоровенко, 2015 с. 139) и, далее, интернет (Карташова, 2015; Щукина, 2015; Канашина, 2018; Оленев, 2019; Радбиль, 2020). Любой вид интернет-контента пестрит собственными прецедентными феноменами, базовой единицей последних можно считать медиатекст, комбинирующий графику, аудио, видео и текст в рамках одного сообщения. Любой из элементов медиатекста может играть доминирующую роль или выступать паратекстуальным обрамлением ведущего формата. Котоконтент включает в себя любительские фото, профессиональные изображения, гифки, шортсы, былички, стихи, короткие текстовые сюжеты или нарезки книг, нейросетевые арты, дополняемые, редактируемые, перекрашиваемые, пересказываемые и перелицованные. Такое разнообразие делает кототелесность объемной, вариативной, наделяет ее иллюзией достоверности и становится основой ее непрерывной динамичности.

Рисунок 6. Макиавеллизм цифровых котиков
(изображение размещено в свободном доступе по адресу:
<https://joyreactor.cc/post/5380179>)

Figure 6. Machiavellianism of digital cats
(The image is publicly available at: <https://joyreactor.cc/post/5380179>)

Последняя выражается также в априорной вокализации. Цифровой котик, в отличие от своего предка – домашней кошки, ведущей тихую жизнь ночного хищника, известен очевидной акустической маркировкой всех своих соматических состояний. Эта маркировка в символическом строй котоконтента входит в природном варианте. Как правило, она проходит фильтры постиронии, сопрягающей ее с актуальной медиаповесткой. Например, в 2013 г. законодательное собрание г. Санкт-Петербурга приняло закон, предусматривающий штрафы за нарушение тишины в выходные и праздничные дни. Поскольку один из депутатов в ходе обсуждений предложил включить в перечень нарушений тишины «громкий храп, топот котов и передвижение холодильников» (В Санкт-Петербурге окончательно приняли «закон о топоте котов, 2013), топот котов молниеносно превратился в мем, выполняющий как метафорическую, так и прямо мифологизирующую функцию, что позволило ему закрепиться в качестве устойчивой и повторяемой единицы котоконтента.

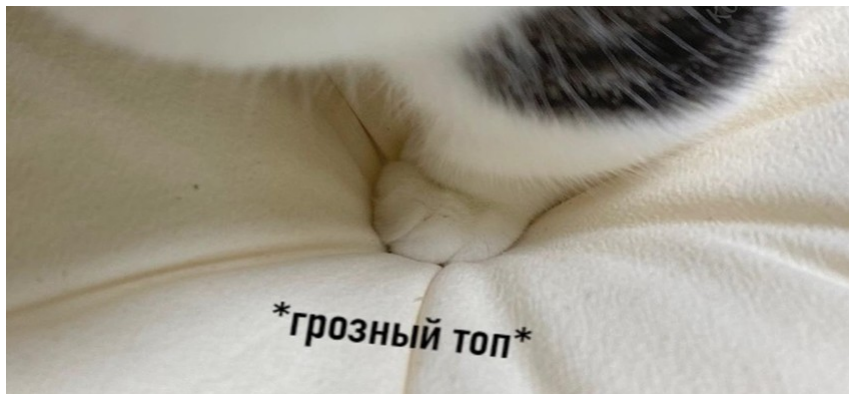

Рисунок 7. Орудие топота котов (Изображение из личного архива автора)

Figure 7. Cat stomping tool (Image from the author's personal archive)

Но цифровые котики не только орут и мурчат, они вполне себе разговаривают. Еще во времена популярности олбанского языка *kitty pidgin* обособился в ряду интернет-сленгов, став одним из самых ярких форматов *lolspeak* (Ежова, 2021; Серпикова, 2023). Околодетская инфантильная речь цифровых котиков открывает широкое пространство для языковых игр, иронии и сарказма. Две её особенности имеют ключевое значение для нашего анализа. Во-первых, её внешний примитивизм никак не отменяет рефлексивности. Здесь работает базовое правило олбанского языка – чтобы нарушать правила, их надо хорошо знать. Простота кошачьих высказываний отнюдь не отменяет их глубины. Показательно, что стандарты цифровой которечи задают писатели, специализирующиеся на интернет-контенте (развивающие цифровые жанры, интернет-стилистику, публикующие свои тексты в интернет-форматах), творчество которых часто становится вирусным контентом (З. Арефьева, С. Малеванный, Е. ЧеширКо и др.). Во-вторых, рефлексивность которечи пригодна для этических суждений. Это значит, что вечно надзирающий за хозяевами кот прокачивает свои суперспособности – теперь он не только надзирает, но и наказывает.

Репрессивные практики: миу-виу, за вами пришла кошечкина полиция!

Кошечкина полиция – это коллективный персонаж одноименной книги блогера З. Арефьевой, фрагменты которой завирусились в социальных сетях. Повествование организовано в серию коротких рассказов, каждый из которых содержит телефонный разговор между полицией и котиком. Задача полиции – зафиксировать жалобу, рассмотреть ее по существу, вынести решение и исполнить наказание. Но очень часто обращения жалобы не содержат, являются следствием кошачьей коммуникабельности, хорошего настроения, ошибки, недоразумения, хулиганства и т.п. В этих случаях «ложный вызов» приводит либо к комической перебранке, либо к пародийному сеансу психологической

помощи, в котором легитимируются кошачьи потребности, обесцениваемые или принижаемые людьми (игры, удовлетворение любопытства, метки, сон, ласка и т.п.), а также детабуируют кошачью физиологию, вводя для нее слова и маркеры, неприменяемые в нарративе к людям («буэ», «какашки» и т.п.). Зачастую такие кошачьи жалобы формально подражают заявлению о совершении преступления.

«Алоэ-Каланхоэ!

Вот моё заювлени в Кошкикуну полицию. Написато на клочке дорогой туалетной бумаги.

Я, котик Анатоли Тринадцоты, с квартиры 256, хачу штоп вы аристовайте одного из моих никчемни. Патаму што он кошичку разорил! Кошичка год делал накоплены в разных валютах: в шуршашках, в рыбих башках, в сосисошных жепках, в оливощках, в буэ и прочих кошичкиных ценностях» (Арефьева, 2022).

В случае, если жалоба имеет под собой основания, достаточные для возбуждения дела, и котик «обратился по адресу», начинается процедура, напоминающая судопроизводство и правоприменения.

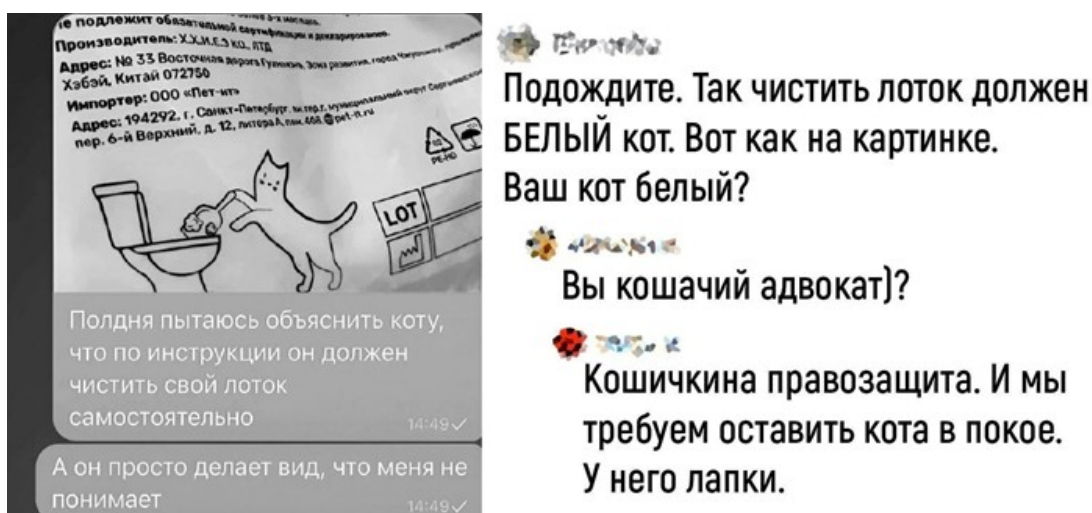

Рисунок 8. Реализация стратегий кошечкиной полиции в интернет-среде (изображение размещено в свободном доступе по адресу: https://vk.com/wall58089002_525?clckid=4eec25ba&z=photo-58737741_457383934%2Fwall58089002_525)

Figure 8. Implementation of cat policing strategies in the Internet environment (The image is publicly available at: https://vk.com/wall58089002_525?clckid=4eec25ba&z=photo-58737741_457383934%2Fwall58089002_525)

Первый в серии «исполнительный» рассказ удвоено фантастичен, поскольку представляет собой мечты обиженного котика:

На пороге стояли толстые серые котики с пистолетиками:

-Добри вечер, человек. Мы кошичкина полиция. Поступила жалоба на вас.

Из-за ноги офигевшего человека высунулась пушистая морда и заняла:

- Это меня истезают, да! Проходите, товарищи.

Человек хотел было предложить кошачьей полиции молока, но они гордо отказались:

-Мы при исполнении. Потерпевши расскажите, как дело было.

-Пнул меня по жопи! Очинь жопи болит!

-Да не пинал я. Я шел на кухню, а этот придурок шерстяной ломанулся вперед и я об него споткнулся.

-ПНУЛ! А потом корм мне на башку насыпал и орал громки-громки вот так: «ШТОПТЫСДОХ!!!». Стресс, стресс у кошки.

Толстые серые полицейские записывали слова потерпевшего и сочувствующе кивали. Потом сказали:

-Человек, вы арестованы.

Надели на офигевшего человека наручники и навсегда увели. Конец.

*

-Миу-миу! - истошно фантазировал на балконе котик, в деталях представляя как хозяина уведут в кошачью тюрьму. И тычут лицом в тапки.

-Жрать наверное опять хочет. — думали люди и ели что-то вкусни прямо в свои пустые глупые головы (Арефьева, 2020).

Рисунок 9. Визуализация образа сотрудника кошачьей полиции
(изображение размещено в свободном доступе по адресу:
https://content.foto.my.mail.ru/mail/le_dari/_blogs/i-1051.jpg)

Figure 9. Visualising the image of a cat policeman (The image is publicly available
https://content.foto.my.mail.ru/mail/le_dari/_blogs/i-1051.jpg)

Дальнейшие рассказы переводят фантазии в дело, кошачья полиция проникает в квартиры, выносит провинившихся перед питомцем-заявителем спящих людей, отправляет их на склад и заменяет двойниками. Иногда коты-питомцы в процессе наказания восстают против своей полиции и отбивают у нее хозяина. Нарратив рассказов «кошачьей полиции» стилистически может быть описан как своеобразная дистопия, в которой описана бинарная социальная структура: элита (кошки) и массы (никчёмни). На «идеологическом» уровне эта дистопия утверждает идею расового превосходства котиков над людьми, в силу которого последние обязаны качественно обслуживать первых. Кошачья полиция здесь является репрессивным органом государства, который осуществляет контроль над никчёмни, посредством использования разнообразных стратегий принуждения или психологического воздействия:

- Алое.
- Каланхоэ.
- Што случилось? Расскажыти в кошачьин тилипон, я здесь для етава сижу.
- Каждый день никчёмни притаскивает зелени крЮгли. Ножыком чик-чик делает, изнутри крЮгли красни и семечки натыканы. Никчёмни делает тук-тук в крЮгли и говорит:
«Цццц, какой кароши арбюзь! Зря ты, Зина отказуишься». Потом обматывается полотенцем, как ПятОшок в мультике, чавкаит красни и семечки хтьфуй делает в люстру.
Запретити крЮгли на магазини!
- А чем вам арбюзь мешает?
- Мне мешает! Никчёмни потом всю ночь делает дун-дун-дун по коридору и делает «занято» туалети. Мешает мне ночной тыгыдык делать. Только я разбе-гусь как следует, етот лунатик апячь дын-дын-дын писячь идет. И так раз десять за ночь. Такая нагрузка на канализаци, ццццц!
- Чего надо вам?
- Я ему предлагал: «Давай штота дрюгое кушой, ты заколебал бедное животни! Жри чета карошее, шаурму там, кобошок!».
- А он чво?
- А он ничво! Апячь арбюзь притащил! Памагите давайте мне, пазязя. Пусть дрюгое штота жрёт. Без дын- дын-дын всю ночь. Есть чета, штоп кушоц и спать сразу вот так xxxhrrrrrrrr?
- Помойму, у никчёмни вся еда дун-дун-дун.
- Што же делать бедному котику, как жить?
- Можыт в арбюзь напихать снотворни?
- Они же белые. Он их плювать начнёт.

- Помакайти их в штота коричневи, чтоб на косточки похоже было. Есть у вас в доме штота коричневи?
- Есть немношка. Точнее, пока нету, но скоро будет ха ха хааа.
- Кому-то псю ночь будет снится мори ха ха хаааа.
- Пака.
- Пака (Арефьева, 2024).

На социально-психологическом же уровне котики легкомысленны, лабильны, забывчивы, аффективны и истеричны, люди бестолковы, скучны и грубы, они не в состоянии упорядочить свою жизнь в отсутствии котиков, поэтому служение котикам вменяется не только как моральный долг, но и как вершина самореализации. Идеология и психология сплетаются в комической языковой игре, главным инструментом которой являются эрратография (анти-орфография) и введение окказионализмов (словообразование по несуществующим языковым моделям). Котики З.Арефьевой пишут, как слышат («арестуйти», «какавы», «сиводня») и говорят (а говорят они с мягкой шепелявостью: «лощадь», «щкирку», «щтряф»), используют для самоназвания и обозначения людей омонимы «ликалепны» и «никчёмни».

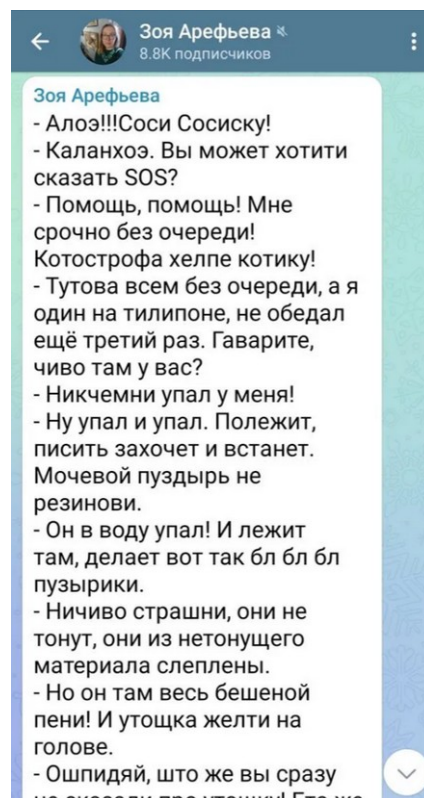

Рисунок 10. Фрагмент из Telegram-канала Зои Арефьевой (скриншот поста, размещенного по адресу: <https://t.me/zoiarefeva/162>)

Figure 10. Excerpt from Zoya Arefyeva's Telegram channel (<https://t.me/zoiarefeva/162>)

Эти инструменты лежат в основе комического эффекта (Суркова, 2023), делающего кототелесность осязаемой и рельефной именно в цифровых условиях и связывающих ее с моральной перспективой. Именно поэтому kitty ridgin Арефьевой может рассмотрен как артланг, превращающийся в прецедентный феномен вместе с ассоциированным образом котика-эксекютора. С.А. Демченков и Н.Д. Федяева зафиксировали выход кошачьего языка за пределы рассказов З. Арефьевой: «на нём начинают говорить подписчики, между ними возникают диалоги и полилоги, кроме того, встречаются случаи правки (комментаторы поправляют друг друга, стараясь говорить по-кошачьи без ошибок)» (Демченков, 2024, с. 264). Разумеется, кошачкина полиция неоднократно визуализировалась в мемах, шортсах и артах, а широкий спектр фанбазы позволил успешно коммерциализировать проект, выпуская ежедневники для «ликалепны мумуаров» и календарь для «глюпы никчёмни».

Рисунок 10. Примеры мёрча (Изображение из личного архива автора)

Figure 10. Examples of merch (Image from the author's personal archive)

Пушистая сила: случай МЧС Беларуси

Кошачкина полиция, конечно, беспощадна, что не мешает ей быть разумной, добродушной и ленивой. Кроме того, ее «клиентоориентированность» всегда на высоте, поскольку ее цель – безусловная помощь котикам. Особенно вредные заявители способны довести кошачкину полицию до белого каления, и тогда она начинает воспитательную работу, разъясняя юридические последствия правонарушений. Эта модель мягкого принуждения и заботливого педагогического контроля в GR-секторе, берет свой исток в гуманистических воззрениях просвещения. В эпоху просвещённого модерна, наиболее была разработана следующая эффективная пенитенциарная стратегия – сделать наказание упорядоченной регулярной функцией, сопряженной

с обществом. Для этого необходимо наказывать равно, универсально, внедряя надзорные практики в тело общества (Фуко, 1999, с. 188). Сегодня эта стратегия обретает второе дыхание. Глобальная цифровизация позволяет транслировать образы наказания и осуществлять надзор буквально в любом уголке земного шара. Но, как отмечал Фуко, эффективность системы во многом завязана на её сопряжённости с обществом. Общество должно «присвоить» пенитенциарную систему, желать её созерцания и распространять её. Для этого властное право на жизнь и определение её границ должно быть максимально аттрактивным и «вирусным», чтобы человек воспринимал его не как brutальный репрессивный механизм, но как развлечение.

Рисунок 11. Важное замечание: наказание должно быть аттрактивным не только для карателя, но и для наказуемого (изображение размещено в свободном доступе по адресу: <https://img.tourister.ru/files/2/3/8/2/7/9/6/6/original.jpg?clckid=0f280447>)

Figure 11. Important note: punishment should be attractive not only to the punisher but also to the punished person (The image is publicly available at: <https://img.tourister.ru/files/2/3/8/2/7/9/6/6/original.jpg?clckid=0f280447>)

Одним из наиболее утилитарных механизмов аттрактивной и вирусной передачи идей является использование мемов (англ. – meme). Концепция меметики была предложена Р. Докинзом в работе «Эгоистичный ген», где под мемом понимается информационная единица, используемая для ретрансляции и подражания (Докинз, р. 172). Совокупность мемов образует мемерлекс – комплекс мемов, который может быть прочитан как совокупность этических, аксиологических и любых иных предписаний. В контексте совре-

менной пенитенциарной системы меметика представляет собой эlegantное решение задачи по созданию системы властных прескрипций, которые будут восприняты человеком, присвоены и ретранслированы. Примером такой филигранной меметизации и мимимизации официального (sic!) властного дискурса можно назвать недавно завирусившийся TikTok канал МЧС Республики Беларусь.

Рисунок 12. Скриншот TikTok канала МЧС Республики Беларусь (скриншот видео, доступного по адресу: https://vk.com/im?sel=6207571&z=clip-69279166_456240682%2F8e692d70b5f1a41dd4&clckid=c7edaf5a)

Figure 12. A screenshot of the TikTok video of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus (Screenshot of video available at: https://vk.com/im?sel=6207571&z=clip-69279166_456240682%2F8e692d70b5f1a41dd4&clckid=c7edaf5a)

По состоянию на 06.11.2024 г. TikTok канал МЧС Республики Беларусь имеет порядка 147600 подписчиков из различных стран СНГ. Его контент организован в виде набора шортсов, тематически разбитых на 3 блока: «Работа подразделений», «пожарный спорт» и «юмор с огоньком». Последний раздел представляет наибольший интерес для исследования, поскольку стилистически и содержательно он может быть описан как подразделение кошачьей полиции, транслирующее никчёмные правила лживого и безопасного поведения. Приведем нарезку из беспрецедентно доходчивого видео, посвященного правилам поведения на воде:

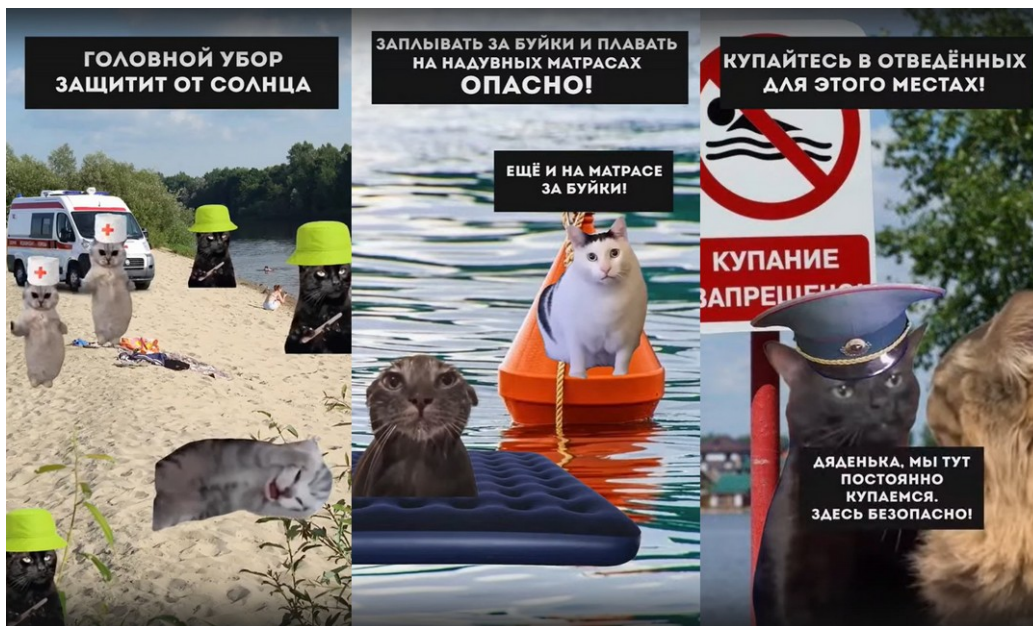

Рисунок 13. Фрагмент видео TikTok канала МЧС Республики Беларусь (Коллаж сделан на основе материала, находящегося в свободном доступе по адресу: https://vk.com/clips/mchs_rb?z=clip-69279166_456240794&clckid=b7a3f08d)

Figure 13. A fragment of the TikTok video of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus (The image is based on material available at: https://vk.com/clips/mchs_rb?z=clip-69279166_456240794&clckid=b7a3f08d)

Также, помимо «вирусного» TikTok, МЧС Республики Беларусь имеет каналы на наиболее распространённых в постсоветском интернет-пространстве ресурсах – Telegram, Vk, Дзэн, Одноклассники – что позволяет союзному подразделению кошачьей полиции максимально широко распространять информацию о законе и его карающей лапке. Запоминающаяся меметическая подача с лёгким налётом кринжовости позволяет зрителям предельно «безболезненно» воспринимать котоконтент, становясь, тем самым, участниками кошачьей правовой системы и открыто воспринимая её нормы и правила.

Выводы

Современные коммуникативные стратегии и зоокультурные практики конструируют новый, амбивалентный, канон телесности и чувственности. С одной стороны, использование диминутивных и эрративных стратегий коммуникации антропоморфизирует животных и трансформирует практики взаимодействия между животным и хозяином. В результате этого, цифровые и реальные коты обретают кажимую субъектность, их образ всё чаще конструируется через призму человеческих, а не кошачьих реалий. С другой же – интерпассивно проживая опыт кошки, фелинизируется сам обыватель.

За счёт нормативации кошачьего консумеризма в интернет-среде становится возможным становление «общества котребления» в котором кототелесность является своего рода нормативом. Эти два вектора сходятся в дистопической картине «кошачьей полиции», где кошечка более субъектна, чем её «никчёмни», что наделяет её незыблемым правом надзирать и наказывать. Однако, репрессивная стратегия кошачьей политики мягка, как её фост, и учитывает трансформацию чувственного и телесного начал в человеке, меметизируя и мимимизируя карающую длань правосудия ироничными мемами, шортсами и клипами.

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность кошке Тиффани Чуп, кошке Матрешке и коту Хавчику за чуткое научное руководство и своевременные инсайты.

Список литературы

- Dawkins, R. (1976). *The Selfish Gene*. Oxford University Press.
- Serpikova, P. (2023). A Socio-Technical Inquiry into the Albanian Language. *Technology and Language*, 10(1), 75–92. <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.01.06>
- Арефьева, З. (2020, март 21). Зоя Арефьева. <https://t.me/zoiarefeva/1250>
- Арефьева, З. (2022, март 23). Зоя Арефьева. <https://t.me/zoiarefeva/19>
- Арефьева, З. (2024, август 16). Koshichkina_Policia. <https://t.me/koshichkinapolicia/265>
- В Санкт-Петербурге окончательно приняли «закон о топоте котом». (2013, январь 30). РБК. <https://www.rbc.ru/society/30/01/2013/570402ce9a7947fcbd4451e8>
- Винобер, А.В. (2017). Собачья жизнь в России: социально-кинологический обзор. *Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства*, 3(6), 202–217.
- Демченков, С. А. (2024). Артланги и коммуникативная компетентность: Методический потенциал языковых экспериментов. В *Горизонты образования: Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию РАН, 300-летию со дня рождения И. Канта, 190-летию со дня рождения Д. И. Менделеева и 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина* (с. 263–265). Омский государственный педагогический университет.
- Ежова, М.М. (2021). LOLspeak как проявление лингвистической креативности в интернет-дискурсе. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Языкознание. Реферативный журнал*, 3, 113–120. <https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.08>
- Здоровенко, Л.В. (2015). Прецедентные феномены. *Наука в современном мире: приоритеты развития*, 1, 139–141.

- Канашина, С.В. (2018). Интернет-мем и прецедентный феномен. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 4 (193), 122-127. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-122-127>
- Караулов, Ю. Н. (1986). Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности. В *Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ* (с. 105-126). Русский язык.
- Карташова, Е.П. (2015). Прецедентные феномены как стилистический прием создания экспрессии в интернет-коммуникации. *Филология и культура*, 2(40), 53-58.
- Оленев, С.В. (2019). Прецедентные феномены как инструмент трансформации сознания участников религиозноидеологического дискурса в сети Интернет. *Казанская наука*, 12, 186-189.
- Пуханова, Г.-А. (2022). *Хорошая мать*. UGAR.
- Радбиль, Т.Б. (2020). Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета. *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*, 1, 140-153. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>
- Резвушкина, С.А. (2024). Мифологическая котоматрица общества потребления: от кормушки до лоточка. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований*, 2 (7), 127-155. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-127-155](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-127-155)
- Суркова, А.П. (2023). Использование эрративов и окказионализмов в рассказах З. Арефьевой как реализация комической языковой игры. В *Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России: Материалы Международного форума, посвящённого Году педагога и наставника и 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского* (с. 147-151). Воронежский государственный педагогический университет.
- Тихонова, С.В. (2023). Сентиментальный визуальный контент новой нормальности: как цифровые коттики одомашнивают кризисы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 2(16), 149-167. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.203>
- Тихонова, С.В. (2024). Как цифровые коттики приручают идеологию: котоконтент советской ностальгии в роли идеологического медиатора. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 194-214. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.509>
- Фадеева, Ю. В. (2021). Развитие рынка зооиндустрии в России: тенденции и особенности. В *Всероссийский форум молодых исследователей: Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции* (с. 41-45).
- Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Ад Маргинем Пресс.
- Щукина, К.А. (2015). Прецедентные феномены в пирожках и порошках - новых жанрах современной интернет-поэзии. *Мир русского слова*, 4, 49-54.

References

- Aref'eva, Z. (2020, March 21). Zoya Aref'eva. <https://t.me/zoiarefeva/1250> (In Russian).
- Aref'eva, Z. (2022, March 23). Zoya Aref'eva. <https://t.me/zoiarefeva/19> (In Russian).
- Aref'eva, Z. (2024, August 16). Koshichkina_Policia. <https://t.me/koshichkinapolicia/265> (In Russian).

- Dawkins, R. (1976). *The Selfish Gene*. Oxford University Press.
- Demchenkov, S.A. (2024). Artlangs and communicative competence: the methodological potential of language experiments. In *Gorizonty obrazovaniya: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 300-letiju RAN, 300-letiju so dnja rozhdenija I. Kanta, 190-letiju so dnja rozhdenija D. I. Mendeleeva i 225-letiju so dnja rozhdenija A. S. Pushkina* (pp.263-265). Omsk State Pedagogical University. (In Russian).
- Ezhova, M.M. (2021). LOLspeak as a manifestation of linguistic creativity in Internet discourse. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Jazykoznanie. Referativnyj zhurnal*, 3, 113-120. <https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.08>. (In Russian).
- Fadeeva, Ju. V. (2021). Development of the pet industry market in Russia: trends and peculiarities. In *Vserossijskij forum molodyh issledovatelej: Sbornik statej III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (pp. 41-45). (In Russian).
- Foucault, M. (1999). *To supervise and to punish. The birth of the prison*. Ad Marginem Press Publ. (In Russian).
- Kanashina, S.V. (2018). Internet meme and precedent phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4 (193), 122-127. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-122-127> (In Russian).
- Karaulov, Ju.N. (1986). The role of precedent texts in the structure and functioning of linguistic personality. In *Nauchnye tradicii i novye napravlenija v prepodavanii russkogo jazyka i literatury. Doklady sovetskoj delegacii na VI kongresse MAPRJaL* (pp. 105-126). Russkij jazyk. (In Russian).
- Kartashova, E.P. (2015). Precedent phenomena as a stylistic technique for creating expression in Internet communication. *Filologija i kul'tura*, 2 (40), 53-58. (In Russian).
- Olenev, S.V. (2019). Precedent phenomena as a tool for transforming the consciousness of participants of religious-ideological discourse in the Internet. *Kazanskaja nauka*, 12, 186-189. (In Russian).
- Puhanova G.-A. (2022). *The good mother*. UGAR Publ.
- Radbil', T.B. (2020). Precedent phenomena as a means of creating attraction in the polycode text of the Internet. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Jazykoznanie*, 1, 140-153. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>. (In Russian).
- Rezvushkina, S.A. (2024). Mythological cat matrix of the consumer society: from the feeder to the cat litter. *Industrii vpechatlenij. Tehnologii sociokul'turnyh issledovanij*, 2 (7), 127-155. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-127-155](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-127-155). (In Russian).
- Serpikova, P. (2023). A Socio-Technical Inquiry into the Albanian Language. *Technology and Language*, 10(1), 75-92. <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.01.06>
- Shhukina, K.A. (2015). Precedent phenomena in the new genres of contemporary Internet poetry: «Pirozhok» and «Poroshok». *Mir russkogo slova*, 4, 49-54. (In Russian).
- Surkova, A.P. (2023). The Use of Erratives and Occasionalisms in Z. Arefieva's Stories as Realisation of Comic Language Play. In *Jazyk i kul'tura v aspekte problem jazykovogo obrazovaniya sovremennoj Rossii: Materialy Mezhdunarodnogo foruma, posvjashhonnogo Godu pedagoga i nastavnika i 200-letiju so dnja rozhdenija K.D. Ushinskogo* (pp. 147-151). Voronezh State Pedagogical University. (In Russian).

- Tihonova, S.V. (2023). Sentimental visual content of new normality: how digital kitties domesticate crises. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija*, 2(16), 149-167. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.203>. (In Russian).
- Tihonova, S.V. (2024). How Digital Cats Tame Ideology: the Cat Content of Soviet Nostalgia as an Ideological Mediator. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 6(4), 194-214. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.509> (In Russian).
- V Sankt-Peterburge okonchatel'no prinjali «zakon o topote kotov» [The “cat stomping law” has finally been passed in St Petersburg]. (2013, January 30). RBC. <https://www.rbc.ru/society/30/01/2013/570402ce9a7947fcbd4451e8> (In Russian).
- Vinober, A.V. (2017). Dog life in Russia: a socio-kinological review. *Gumanitarnye aspekty ohoty i ohotnich'ego hozjajstva*, 3(6), 202-217. (In Russian).
- Zdorovenko, L.V. (2015). Precedent phenomena. *Nauka v sovremennom mire: priority razvitija*, 1, 139-141. (In Russian).